Cahiers du MONDE RUSSE

Cahiers du monde russe
Russie - Empire russe - Union soviétique et États indépendants

51/2-3 | 2010
Dynamiques sociales et classifications juridiques dans l'Empire russe

ИНТЕГРАЦИЯ ЧИНОВНИЧЕСТВА В ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ГОРОДСКИЕ ЭЛИТЫ

РОССИЯ, ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XVIII В.

La place de la bureaucratie provinciale dans la composition des élites locales : Russie, premier tiers du XVIIIe siècle

The place of provincial bureaucracy in the composition of local elites in the western Siberian self-government in the first third of the eighteenth century

Дмитрий А. Редин

OpenEdition Journals

Édition électronique
URL : https://journals.openedition.org/monderusse/9188
DOI : 10.4000/monderusse.9188
ISSN : 1777-5388

Éditeur
Éditions de l'EHESS

Édition imprimée
Date de publication : 9 septembre 2010
Pagination : 281-301
ISBN : 978-2-7132-2315-0
ISSN : 1252-6576

Référence électronique
Дмитрий А. Редин, «Интеграция чиновничества в провинциальные городские элиты», *Cahiers du monde russe* [Онлайн], 51/2-3 | 2010, Выложить онлайн 26 octobre 2013, Наводить справки в 03 septembre 2022. URL: http://journals.openedition.org/monderusse/9188 ; DOI: https://doi.org/10.4000/monderusse.9188

Ce document a été généré automatiquement le 3 septembre 2022.

ИНТЕГРАЦИЯ ЧИНОВНИЧЕСТВА В ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ГОРОДСКИЕ ЭЛИТЫ

РОССИЯ, ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XVIII В.

La place de la bureaucratie provinciale dans la composition des élites locales : Russie, premier tiers du XVIIIe siècle

The place of provincial bureaucracy in the composition of local elites in the western Siberian self-government in the first third of the eighteenth century

Дмитрий А. Редин

1 ИЗУЧЕНИЕ ПОСТЕПЕННЫХ, НО ГЛУБОКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В СТРУКТУРЕ ЭЛИТ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, ПРОИЗОШЕДШИХ МЕЖДУ СЕРЕДИНОЙ XVII В. И КОНЦОМ ЦАРСТВОВАНИЯ ПЕТРА I, ТРАДИЦИОННО ИГРАЛО И ПРОДОЛЖАЕТ ИГРАТЬ ВАЖНУЮ РОЛЬ В ОСМЫСЛЕНИИ ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В ПЕРИОД ЕЕ ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ. ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ОДНАКО, ЧТО В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ В ИЗУЧЕНИИ ЭЛИТНЫХ ГРУПП РУССКОГО СОЦИУМА УКАЗАННОГО ПЕРИОДА НАЗРЕЛ СВОЕГО РОДА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС. ПОНИМАЯ СОЦИАЛЬНУЮ ЭЛИТУ В ДУХЕ РАСПРОСТРАНЕННОГО В СОЦИОЛОГИИ АЛЬТИМЕТРИЧЕСКОГО ПОДХОДА КАК ВЫСШИЙ СЛОЙ ОБЩЕСТВА, КАК МЕНЬШИНСТВО, ОБЛАДАЮЩЕЕ РЕАЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ И ОКАЗЫВАЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ, ИСТОРИКИ КОНСТАТИРУЮТ, ЧТО ЛЮБАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТА, – ВКЛЮЧАЯ МАРГИНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ, – ОБЛАДАЕТ СОБСТВЕННОЙ ЭЛИТОЙ И ЧТО СТРАТИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВА СООТВЕТСТВУЕТ, ТАКИМ ОБРАЗОМ, СТРАТИФИКАЦИЯ ЭЛИТ. ПРИЧЕМ, КАК И СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЫ В ЦЕЛОМ, ОТДЕЛЬНЫЕ СЛОИ В ИЕРАРХИИ ЭЛИТ МОГУТ НЕ ОБЛАДАТЬ ВНУТРЕННЕЙ МОНОЛИТНОСТЬЮ – НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ ПАРАДИГМУ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ РАЗНОРОДНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ. ТАК, ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ, ИЛИ «МЕСТНАЯ», ЭЛИТА – КОТОРАЯ В ИЕРАРХИИ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА СЛЕДОВАЛА ЗА ЭЛИТОЙ

столицы и которая является предметом настоящей статьи – состоит из локальных городовых элит, отличающихся друг от друга региональными особенностями генезиса, структуры и функционирования. Очевидно, что необходимость учитывать фактор региональной вариативности уже сама по себе делает задачу изучения местной элиты достаточно сложной. Кроме того, исследователи элиты сталкиваются с проблемой устарения традиционного (во всяком случае для российской историографии) институционального подхода, основанного на структурно-функциональном анализе. Долгое время оставававшийся плодотворным, он тем не менее не позволяет осуществлять комплексное изучение элитных групп общества, наиболее актуальное на сегодняшний день. В частности, он выводит на периферию исследовательского внимания многочисленные внеинституциональные проявления деятельности и устройства жизни элит, которые зачастую оказываются важнее для понимания регуляции социального поведения, чем формально прописанные публично-правовые установления. Это особенно заметно при изучении переходных периодов, таких как XVII и XVIII столетия в России, для которых характерно сложнейшее переплетение явлений архаики и модерна. В связи с этим, значительно более перспективным представляется историко-антропологический подход, нацеленный, в частности, на выявление взаимосвязей культурных норм и практики управления, жизненных планов и стратегий, особенностей поведенческих черт локальных общественных групп и отдельных их представителей. За последние полвека в мировой исторической русистике появилось немало исследований, подтвердивших продуктивность этого метода, в частности, в приложении к столичной и периферийной (региональной, локальной) элитным группам русского общества XVII-первой трети XVIII в. в различных сочетаниях их социальных связей и проявлений[1].

2 Отдавая предпочтение антропологически ориентированным подходам изучения социальных элит (или других общественных групп) перед упомянутым институциональным методом, нельзя тем не менее не отметить относительно большую трудность применения их к российскому источниковому наследию. Нарративные источники личного происхождения остаются крайней редкостью до середины, если не до конца XVIII в.[2], тогда как от более ранних периодов до нас дошли в основном канцелярские документы: документация по учету личного состава, выдаче жалованья и служебным назначениям, финансово-учетные и судебные материалы и т.д. Безусловно, при условии систематического выявления и обработки и комплексного осмысления, эти источники могут послужить основанием для реконструкции важных аспектов истории социальных элит. Благодаря неустоявшемуся формуляру и большому внутривидовому разнообразию, из них можно почерпнуть массу «побочных» сведений: об имущественном положении и структуре потребления, о карьерных передвижениях, о возрасте и состоянии здоровья, о родственных и патронатно-клиентских связях и даже о культурном уровне индивидов. Тем не менее, огромный объем и крайняя запутанность канцелярских архивов делает работу с ними

трудоемкой, а функциональная природа этих источников, произведенных на свет с целью обеспечения деятельности аппарата управления, осложняет извлечение из них информации о реальной жизни, особенно о ее частных сферах.

3 Упомянутые трудности объясняют относительную немногочисленность исследований элитных групп русского социума XVII-первой трети XVIII в., выполненных на уровне современных научных требований, и, одновременно, указывают возможные направления дальнейших изысканий. В ходе работы над обширным и пока еще далеким от завершения исследованием о взаимоотношениях власти и общества в российской провинции в русле отмеченного выше антропологически ориентированного историописания, я посвятил особое внимание эволюции нескольких локальных социальных элит западной части Сибирской губернии в эпоху петровских реформ и ближайшие за ней годы. Настоящая статья посвящена одному из интереснейших аспектов трансформации этих элит, а именно вхождению в их состав чиновничества.

4 Восприятие местного чиновничества как одного из взаимосвязанных элементов российского провинциального социума, к сожалению, до сих пор не было характерно для специалистов XVIII столетия. Провинциальное чиновничество обыкновенно расценивается как ипостась или же инструмент центральной власти, т.е. как группа, стоявшая по другую сторону водораздела с «обществом», включая его элитные слои (провинциальные служилые корпорации, «приборное войско», верхушку посада и т.д.). Признавая определенное участие «общества» в функционировании «власти» (в первую очередь, через органы местного самоуправления), историки уделяют явно недостаточное внимание феномену их взаимопроникновения. Упомянутый выше традиционный институциональный подход мешает его изучению, поскольку не подразумевает осознания местного чиновничества и прочих местных социальных групп в их «человеческом» измерении, квалифицируя их как структуры и оперируя ими как относительно монолитно устроенными социологическими единицами.

5 Бюрократия, в традиции российского историописания, почти никогда не становилась предметом собственно социальной истории. До революции этот объект относился к области истории государственного управления, где господствовали историки права. Их источниковая основа ограничивалась законодательно-нормативными актами, поскольку их интересовали преимущественно государственные учреждения и нормы права – «архитектура» российской государственности, а не ее бренные обитатели. Богатейшие комплексы делопроизводственной документации, таившие в себе многообразные сведения о «физиологии» власти, о колоритной служебной и внеслужебной чиновничьей повседневности, в XIX в. оставались невостребованными. В начале следующего столетия в изучении местного управления, особенно XVIII в., наступил короткий расцвет, когда талантливые историки, ученики Василия Осиповича Ключевского – Павел Николаевич Милюков, Михаил Михайлович Богословский, Юрий

владимирович готье – наметили новые цели и методы изучения административной истории в широком социально-историческом контексте[3]. однако наступившая вскоре смена общественно-политической конъюнктуры в россии, повлиявшая на состояние исторической науки, помешала развитию этой тенденции. заместившая ее советская историография выработала постулат, согласно которому чиновничество выражало интересы правящего класса, являясь его «послушным орудием». к началу 1930-х гг., под влиянием сталинской идеологии, это положение стало «неоспоримой истиной». официальная история одинаково бескомпромиссно отвергла как рассуждения о «надклассовой» природе бюрократии (под это понятие легко подводились любые специальные исследования чиновничества), так и «экзотические» искания, свойственные ранним историкам-марксистам, не признававшим бюрократию действительной реальностью социально-политической жизни[4]. поскольку правящим классом в царской россии было дворянство, постольку и бюрократия являлась дворянской. ее изучение, таким образом, если и имело смысл, то только как инструмента, которым дворянство пользовалось, чтобы навязывать свою политическую волю угнетенным классам.

6 тезис о классовом (дворянском) характере бюрократии продержался в ранге «подлинно научного» до конца советской эпохи. однако опровергающий его эмпирический материал начал накапливаться уже в 1960-е гг. сергей мартинович троицкий установил, что из всей совокупности русского чиновничества, служившего в коронных и дворцовых учреждениях всех уровней в середине xviii в., выходцы из потомственного дворянства составляли лишь 21,6%. половину личного состава имперской бюрократии представляли потомки приказных людей (чиновничества допетровского времени) и близких к ним категорий, а еще 13% выпадало на долю разночинцев и иноземцев[5]. много лет спустя, изучая на основании материалов групповых формулярных списков социальный состав чиновничества ряда центральных и северных губерний европейской россии накануне и после губернской реформы 1775 г., марина федоровна румянцева обнаружила тенденцию к увеличению в этой среде удельного веса выходцев из недворянских сословий (что происходило вопреки желаниям высшей власти). и если в 1775 г. чиновники-недворяне преобладали над чиновниками-дворянами лишь в низших должностях (xiv класс табели о рангах и канцелярские служащие), то в 1781-1782 гг. они получили преимущество также в должностях xiii-x классов и заметно потеснили дворян в viii и ix классах. среди чиновников-недворян преобладали дети священнослужителей и государственных служащих, что ярче всего проявлялось в московской и владимирской губерниях[6]. в результате этих и других исследований, на сегодняшний день представляется очевидным, во-первых, что абсолютное отождествление бюрократии (в том числе местной) с дворянством является некорректным и, во-вторых, что гражданская служба способствовала проникновению в состав элиты, в первую очередь региональной, многочисленных представителей непривилегированных сословий.

7 государственная служба как социальный лифт – явление, свойственное многим обществам самых разных эпох. но, как известно, «черт скрывается в деталях». когда и как действовал этот механизм в россии, каким образом он повлиял на российский исторический процесс в целом и как данный феномен соотносится с опытом других стран – ответы на эти вопросы, обращенные прошлому из злободневности настоящего, можно найти только путем скрупулезного и системного изучения конкретных историко-хронологических контекстов.

8 перед тем как приступить к анализу ситуации в западной сибири петровской поры, сделаем несколько вступительных замечаний. нельзя отрицать, что в течение долгого времени представители царской власти в провинции, действительно, не принадлежали к местным социальным элитам. уездные администрации россии допетровского времени были малочисленны и слабо связаны с местными сообществами. в XVII столетии властные полномочия на местах реализовывались, в первую очередь, воеводами, происходившими из различных категорий столичных служилых людей «по отечеству» и назначавшихся на должности городовых управителей из москвы. при этом центральная власть достаточно последовательно следила, чтобы воеводы не находились на одном месте слишком долго – дабы «не заворовывались». за два года (таков средний срок пребывания дворянина на одном воеводстве) трудно обрасти прочными связями в какой бы то ни было социальной среде. поэтому, даже в случае бесконфликтных взаимоотношений со служилыми и посадскими людьми, воеводы никогда не становились для управляемого города «своими». второй по значению фигурой местного аппарата управления XVII в. были дьяки (или подьячие с приписью) – они исполняли роль товарищей воеводы. подобно воеводам, они назначались из столицы на относительно короткие сроки и также не могли войти в тесную связь с местными общинами. и даже на низшем, «техническом» уровне администрации, представленном подьячими, находилось, особенно в первой половине XVII столетия, немало москвичей, каковые отнюдь не стремились пустить корни в провинции[7]. таким образом, социальная неоднородность местного аппарата управления, его столичное комплектование и частота кадровых замен не позволяли его персоналу стать органичной частью локальных социальных элит. за исключением подьячих местного происхождения, агенты местного управления XVII в. должны рассматриваться как представители центральной политической элиты в провинции.

9 напротив, на рубеже XVII-XVIII вв. ряд новых факторов создал более благоприятную ситуацию для формирования подлинно местного чиновничества и его интеграции в региональные элиты. в первую очередь, следует указать на усложнение административных структур, усиленную бюрократизацию методов управления и соответствующее нарастание документооборота, которое особенно возросло в годы петровских реформ, вызвав объективную необходимость пополнения кадров. вопреки официальной кадровой политике правительства, в ряды подьячих и управителей низшего звена (занимавших должности на различных

«присудах» внутри уездов) вступало множество представителей различных социальных групп – люди скромного статуса, но местного происхождения. В данном отношении, петровские реформы упрочили тенденцию, наметившуюся в предыдущем столетии. В XVII в., несмотря на ограничения со стороны московской власти, вакансии в приказных избах центральных и северных регионов пополняли не только дети подьячих, но и писчие дьячки земских и губных учреждений, городские площадные подьячие и выходцы из тяглых (посадских, реже – крестьянских) слоев местного населения и духовенства. Позже других собственным более или менее устойчивым составом приказных изб обзавелись сибирские города – в силу неоконченного характера русской колонизации огромных пространств Северной Азии. Социальная среда, поставлявшая чиновничьи кадры на канцелярские и низшие управленческие должности в Сибири была иной, чем в европейской части страны: здесь приоритет сохранялся за служилыми людьми «по прибору», что не исключало участия в государственном управлении выходцев из посада и духовенства[8]. Параллельно формированию кадрового состава местного происхождения, в приказных избах развивалась тенденция к возникновению подьяческих кланов. Начало этого процесса, по наблюдениям Н.Ф. Демидовой, восходит к первой половине XVII в., когда подьяческие династии появляются в центральных и северных районах страны.

10 Отдельно хотелось бы отметить еще один фактор, которому в историографии не было уделено достаточного внимания и который непосредственно ускорял или тормозил складывание локального бюрократического сообщества. Его можно определить как служебную географическую мобильность – частоту, интенсивность и территориальные границы перемещений должностных лиц с одного места службы на другое. Под частотой я понимаю промежутки времени, по истечении которых происходила кадровая ротация, под интенсивностью – массовость одновременных или близковременных перемещений агентов, под территориальными границами – локальные, региональные или межрегиональные параметры их перемещения. Как будет показано ниже, есть все основания полагать, что низкая служебная мобильность чиновников (при прочих равных условиях) повышала возможность стабилизации данной бюрократической общности, укрепляла ее связь с местным социумом и открывала пути интеграции ее элитной части в состав местной элиты.

11 В настоящей статье я прослеживаю развитие упомянутых выше тенденций XVII в. в течение первой трети следующего столетия на материале двух городов востока России: Вятки (Хлынова) и Тюмени. Выбор этих городов обусловлен, отчасти, прекрасной сохранностью делопроизводственной документации местных госучреждений[9]. Кроме того, Вятка и Тюмень, оказавшиеся в результате реформ первой четверти XVIII в. в рамках одной – Сибирской – губернии, интересны тем, что представляют собой различные регионы страны с принципиально различной исторической судьбой. Общим

было полное отсутствие в их социальной структуре служилых людей «по отечеству» и почти полное отсутствие дворянского землевладения.

Вятка

12 древнее владение новгорода, вятка с «пригородками» и округой, после вхождения в единое русское государство, относилась к исторической области поморских городов и по многим параметрам резко отличалась от сибирских уездов, в том числе – с точки зрения социальной базы формирования подьячих. н.ф. демидова, обращаясь к материалам XVII в., писала: «особенно распространено было использование в приказных избах посадских людей в северных и поморских городах, где служилый элемент населения значительно уступал мощному и действенному посадскому»[10]. сказанное в полной мере относится и к вятке, где даже старые подьяческие фамилии, представители которых работали в приказной избе в течение нескольких поколений, восходили к посадским семьям и были связаны с ними тесными родственными узами.

13 первые административные эксперименты царя петра в сфере местного управления, пронизанные (как и впоследствии) фискальным интересом, относятся к 1699 г., когда указом от 30 января посадским общинам была предоставлена возможность отказаться от воеводской власти и избрать бурмистров, создав органы городского самоуправления – бурмистерские, или земские избы. взамен горожане должны были согласиться на двойной платеж оклада[11]. выбирая между управленческой самостоятельностью и резким ростом материальных издержек, многие посады предпочли отказаться от царского предложения. по данным п.н. милюкова, из 70 городов европейской россии 33 высказались за сохранение воеводского порядка управления. остальные 37 посадских общин решились на введение бурмистерских должностей, однако только 11 из них высказали согласие на платеж двойного оклада, тогда как 26 посадских миров с разной степенью прямоты заявили о невозможности таких выплат или обошли этот вопрос стороной[12].

14 сибирские города в большинстве своем фактически отказались от введения земского самоуправления по предложенному варианту[13]. однако в хлынове посадские люди и уездные крестьяне солидарно выступили за избрание бурмистров (по одному от городской и уездной крестьянской общин), но решительно отказались от двойного платежа. январский указ 1700 г. полностью ликвидировал воеводское управление в поморских городах[14]. с этого времени и на десять последующих лет власть на вятке сосредоточилась в руках двух погодно сменявшихся бурмистров и бурмистерской палаты, подчиненных московской ратуше. мощная посадская община хлынова без особых трудов сумела организовать земские органы. бурмистерские должности оказались заняты отпрысками богатых хлыновских фамилий хохряковых, глухих, свечниковых (свешниковых), мошковцевых и др[15]. характерно, что эти семьи, в лице своих представителей, принимали активное участие в управлении городом и ранее, работая

подьячими в приказных и неприказных учреждениях и занимая выборные должности.

15 относительно недолгий век господства земских изб на вятке был прерван начавшейся первой областной реформой. в 1710 г. в хлынове восстановили приказную избу и направили управлять уездом воеводу. им стал стольник г.д. плещеев, занимавший эту должность до начала лета 1711 г. его сменил стольник с.д. траханиотов (30 июня 1711 г.)[16]. земская изба (бывшая бурмистерская палата) была сохранена, однако приобрела по отношению к воеводе подчиненное положение, ведая раскладкой и сбором налогов с посадских людей[17].

16 штат вятской приказной избы, сразу после ее восстановления, стал одним из самых многочисленных в сибирской губернии. в 1711-1713 гг. здесь «работал государеву приказную работу» 21 подьячий[18], а в 1723 г. – уже 29 человек[19]. таким образом, вятская приказная изба – и ее правоприемница вятская провинциальная канцелярия – по своему кадровому потенциалу была равна губернской канцелярии в тобольске. такое распределение сил одобрял и находил вполне адекватным сам губернатор[20], чья позиция прекрасно иллюстрирует административное, военное[21] и хозяйственное значение вятки и вятского уезда.

17 на основании анализа документов вятской приказной избы за конец 1711-1713 г. мне удалось реконструировать поименный состав подьячих: у. бабошин, п. глебов, а. глухих, е. дьяконов, г. желнин, с. зеленин, и. катарин, с. катарин, в. клобуков, ф. коробов, т. метелев, с. новиков, и. путилов, б. свечников, ф. сунцов, ф. суров, и. тряпицин, т. хаустов, я. хлудов, и. чарушин и я. шмелев (всего 21 человек)[22]. треть из них прослужили здесь до конца петровского царствования[23]. о высоком уровне кадровой стабильности, достигнутым главным учреждением местной администрации говорит также тот факт, что обновление его штата приняло форму социального воспроизводства. кадровые перестановки в некоторой степени контролировались подьяческой корпорацией внутри учреждения. например, в 1723 г. вятский провинциальный воевода в.и. чаадаев повысил молодых подьячих п. каркина и а. юферева в среднюю статью по рекомендации старых подьячих п. рылова и а. рязанцева. при этом пригодность п. каркина и а. юферева к делам подтвердили «подписками» пятеро подьячих средней статьи со стажем работы в вятской канцелярии от 8 до 11 лет, из которых двое приходились, к тому же, родственниками одного из выдвиженцев[24].

18 восстановление в 1710 г. государственного управления вятского уезда на принципах единоначалия понизило статус земской избы и заметно сузило ее компетенцию, но не отторгло от власти влиятельные посадские семьи вятки, которые немедленно начали поставлять кадры для вятской приказной избы, на что первым обратил внимание п.н. мрочек-дроздовский.[25] характерен пример подьячих средней статьи бориса свечникова и андрея глухих[26], которые до пожалования в вятскую приказную избу успели побывать вятскими бурмистрами: борис свечников избирался в 1703 и 1708 гг., андрей глухих – в 1705 г.[27] подавляющее большинство подьячих приказной избы были посадского происхождения, о чем, кстати, был прекрасно

осведомлен сибирский губернатор. в одном из февральских указов 1712 г., князь м.п. гагарин, приказывая вятскому коменданту кн. и.и. щербатову запретить местным подьячим вступать в повытья друг друга и вымогать взятки с населения, мотивировал свой запрет тем, что «им, подьячим, определено великого государя жалованье, тако ж *они взяты ис посацкого тягла и посацкой оброк с них сложен*, и того немалое число денег»[28].

19 заметная часть подьячих вятки первой четверти XVIII в. принадлежала к посадским фамилиям, которые были связаны с приказной работой на протяжении нескольких поколений. так, если одни отпрыски хлыновского посадского рода рязанцевых становились городовыми приказчиками и подьячими начиная с конца XVI в., то других можно обнаружить в составе гостинной и суконной сотен и в рядах приходского духовенства[29]. за период с 1711 по 1723 гг. среди подьячих вятской приказной избы – вятской провинциальной канцелярии мне удалось выявить четверых рязанцевых. потомственный характер службы в учреждениях местного управления был присущ и другим семьям, одновременно связанным с хлыновским посадом или посадскими общинами крупных вятских «пригородков», например, слободского. за указанные годы, вместе с рязанцевыми у «письма и щета» трудились в подьячих члены известных местных фамилий: четверо хаустовых, трое катариных, столько же юферевых, протопоповых и шмелевых, по двое глухих и дьяконовых[30].

20 для осмысления природы связи между посадом и подьячеством на вятке важнейшее значение имеет изучение землевладения подьячих. по традиции допетровской поры, подьячие имели право на верстание поместными окладами, однако среди вятских подьячих владение поместьями было мало распространено. их земельные владения формировались независимо от царской службы, посредством сделок купли-продажи. для черносошного севера была характерна практика крестьянской торговли земельными участками. как установил аркадий иванович комиссаренко, посадские жители края активно приобретали землю: к 1730-м гг. купцы, преимущественно хлыновцы, уже составляли целую категорию так называемых «деревенских владельцев». ко второй половине XVIII в. земельные владения вятского городского «патрициата» были столь значительны, что крестьяне, недовольные уменьшением своего земельного фонда и связанным с этим закабалением, внесли в наказ уложенной комиссии требование о конфискации названных земель и передаче их «в вечное владение крестьянства»[31].

21 среди выявленных а.и. комиссаренко купцов-«деревенских владельцев» встречаем фамилии, представители которых подвизались в подьячих приказных учреждений вятки – это коробовы, хохряковы, глухих, шмелевы[32]. части землевладельческого фонда хлыновских посадских семей могли переходить в их подьяческие ветви. именно так, не только через верстание, но и через купли, сложились земельные владения уже упоминавшихся подьячих рязанцевых. от них земля частично переходила в другие подьяческие фамилии. так, вдова вятского подьячего п. рязанцева принесла в качестве наследства своему второму мужу, подьячему я. хлудову родом из

москвы, вдовий выдел из рязанцевских земель – «деревнишки» в «хлыновском уезде, в филипове слободке»[33]. земельные владения я. хлудова расширились в 1713 г., благодаря его настойчивости и каким-то особым отношениям с первым сибирским губернатором кн. матвеем гагариным. губернатор не только поверстал его 50-рублевым годовым окладом (весьма солидным для подьячего местной канцелярии), но и велел отмежевать из пустых земель 30 дес. пашни и 15 дес. лугов вместо хлебного жалованья[34]. «деревнишки», общим числом 6 дворов в великорецком оброчном стане, принадлежали другому вятскому подьячему – тимофею хаустову, который в 1714 г. был в этих краях «на повытьи». жалуясь на бесчинства хаустова, великорецкие выборные сообщили, между прочим, что он «с тех деревнишек тягла не платит»[35]. общие размеры купленных подьяческих земель пока остаются неизвестны. тем не менее, представляется очевидным, что в случае хлынова «власть и капитал» уже в первой трети XVIII века образовывали прочную взаимосвязь.

22 локальной интеграции вятской подьяческой группы благоприятствовали две взаимосвязанных характерных черты штата вятской приказной избы – вятской провинциальной канцелярии, которые мне удалось обнаружить в ходе реконструкции именного состава учреждения. это, во-первых, незначительная пропорция в нем иногородних. во-вторых, это низкая служебная мобильность персонала. иногородние были по-настоящему заметны лишь среди дьяков. за время активного проведения административных преобразований (1711-1725 гг.) через вятскую службу прошли четыре человека дьяческого чина. все они были московскими подьячими, получившими дьячество за перевод в сибирскую губернию[36]. среди вятских подьячих указанного периода мною выявлены лишь двое иногородних, оба москвичи. это уже упоминавшийся яков хлудов, фигурировавший в ряде документов вятской приказной избы 1712-1714 гг., и василий кононов, отмеченный в документах вятской провинциальной канцелярии 1719-1721 гг.[37] примечательно, что, в отличие от дьяков, со временем переводившихся к другим местам службы, подьячие иногороднего происхождения вливались в местную корпорацию. хлудов, как было сказано выше, породнился с влиятельной вятской фамилией рязанцевых. василий кононов, похоже, тоже пустил корни в вятке, если судить по списку адресатов кормления в расходной книге уездного земского старосты я. малова за 1734 г., где назван подьячий воеводской канцелярии александр кононов[38], возможно сын или брат василия.

23 урожденные хлыновцы или же приезжие, вятские подьячие избегали служебной мобильности. даже смерч «больших реформ» 1719-1725 гг., закруживший чиновный мир империи и вызвавший лихорадочные кадровые перебросски, коснулся лишь отдельных хлыновских подьячих. так, не вернулся в вятку из поездки в 1719 г. в петербург «к щету» с приходо-расходной документацией по сибирской губернии подьячий средней статьи трофим метелев. «тертый калач» приказной службы иван тряпицын, состоявший в должности комиссара при вятском коменданте в.к. толстом и занимавшийся откупами, перешел, не позднее 1722 г., в набиравшее силу

отраслевое учреждение – вышнее горное начальство (сибирский обер-бергамт)[39]. и хотя в 1725 г. тряпицын вновь оказался на родине, создается впечатление, что в провинциальную канцелярию он уже не вернулся, продолжая служить по горному ведомству[40]. его дети осели на урале: гордей (видимо, старший) в 1725 г. оказался управителем (земским комиссаром, или приказчиком) каменского завода, а дмитрий весной 1726 г. окончил обучение пробирному делу, что открывало ему карьеру горнозаводского специалиста[41]. но, как правило, служебные перемещения вятских подьячих сводились к выездам на подведомственные повытья или в канцелярии пригородов, т.е. ограничивались пределами уезда.

24 следует заметить, что вятские подьячие обладали, помимо прочего, повышенным социальным статусом по сравнению с собратьями из других уездов. при отсутствии в городе и уезде служилых людей, местные подьячие назначались на руководящую работу в качестве низших администраторов – руководителей территориальных повытий. таким образом, круг их обязанностей не ограничивался оформлением текущей администрации[42], как это обычно бывало в аналогичных местных учреждениях, но и охватывал руководящую работу в качестве низших администраторов – управителей территориальных повытий. каждое территориальное повытье, своего рода присуд, включало по несколько волостей или станов. в вятском уезде преобладали именно территориальные, а не функциональные повытья, что было связано, как видно, с особенностями организации этой сложной территории, станы и волости которой отдавались в непосредственное управление подьячим, подобно тому, как в уральских и зауральских уездах сибирской губернии управляли слободами приказчики из числа местных приборных служилых людей. один из ранних указов петровского времени о распределении вятских подьячих по такого рода повытьям датируется февралем 1712 г. этот документ, уже цитированный выше, запрещал подьячим вмешиваться в дела чужого повытья, а также ездить по уезду с целью вымогательства взяток с населения (реминисценция одной из норм иммунитетного характера, присущей уставным грамотам эпохи наместничьего правления). в марте 1712 г. подьячий с. новиков получил в повытье волковские тяглые и оброчные станы и бобинский тяглый стан, находившиеся до этого в повытье подьячего б. свечникова. а в сентябре того же года по челобитной хлыновских посадских, бывших «в повытье московского подьячего якова хлудова» и терпевших от него «тесноты немалые», хлыновский посад был передан в повытье уже упоминавшемуся б. свечникову. в это же время просил себе в повытье вотчины вятского успенского монастыря подьячий е. дьяконов[43]. в 1713 г. подьячий и. тряпицын держал в повытье чепецкие станы[44]. подобные примеры можно процитировать во множестве.

25 характер деятельности подьячих, руководивших территориальными повытьями, можно наглядно представить по доношениям все того же я. хлудова. в 1711 г. хлудов ведал «судом и податьми» хлыновские посадские сотни и, одновременно, успенские монастырские вотчины, причем сутяжничал с монастырскими приказчиками и жаловался, что они ему не

подчиняются и «корыстуются» при сборе податей[45]. кроме того, деятельный подьячий выявил, что во многих станах крестьяне распахали пустоши, заселили пустые дворы и живут в них, избегая тягла. губернатор одобрил бдительность хлудова и велел разверстать на этих крестьян оклад, уточнив позже, что в тягло не следует включать новопоселенцев, вышедших из других уездов, «лишь бы беглых не принимали»[46]. как видим, заботясь о приборе в тягло новых плательщиков, осуществляя надзор за сбором податей и осуществляя судебные полномочия над населением, вятские подьячие-повытчики поднимались над сферой делопроизводства и осуществляли обязанности по управлению, которые, как правило, были привилегией служилых людей.

26 подытоживая проведенное исследование вятского контингента агентов государственного управления, можно сделать вывод, что его характерными чертами являлись давность формирования, наличие устойчивого ядра, теснейшая взаимосвязь с посадской верхушкой, социальное и локальное воспроизводство, низкая служебная мобильность и доступ подьячих к низшим руководящим должностям.

Тюмень

27 чиновничий мир тюмени являл собою совершенно иную картину. основанная в 1586 г., тюмень, – старейший город сибири, – была много моложе хлынова. один из форпостов сибирской колонизации, тюмень имела ярко выраженный служилый характер, что в первую очередь проявлялось в отсутствии гражданского населения, в роли которого долгое время выступали казаки и дети боярские местного гарнизона. к началу петровских преобразований тюмень стала играть одну из ведущих ролей в административной, военной и коммуникационной системе азиатской россии. являясь, без преувеличения, важнейшим узлом местной транспортной сети, связующим звеном между западной и восточной частями сибирской губернии, город сохранял значение крупного оборонительного центра на востоке государства (в отличие, например, от давно утративших такую роль пелыма, березова или сургута). тюмень располагала заметной посадской общиной (которая, впрочем, в начале XVIII в. многократно уступала хлыновской) и самым значительным после тобольска гарнизоном[47].

28 центральной фигурой в административной структуре тюмени и тюменского уезда был воевода (с конца 1712 – начала 1713 и до весны 1718 г. – комендант). наряду с прочими сибирскими городами, и в отличие от вятки, город отказался от введения бурмистерского управления в 1699 г. во время первой областной реформы воеводская канцелярия оставалась единственной представительницей царской администрации в уезде и, соответственно, только ее персонал мог стать основой формирования местного чиновничьего сообщества. тюменская воеводская (комендантская) канцелярия до начала второй областной реформы петра I выгодно отличалась от других аналогичных учреждений губернии многочисленным

штатом. в среднем, на службе в ней подвизались от 8 до 10-12 подьячих разных статей (при положенных для рядовой уездной канцелярии пяти)[48]. пик кадрового благополучия и своего рода региональный рекорд для канцелярии уездного уровня пришелся на 1717 г. – 16 человек[49].

29 социальное происхождение большинства подьячих тюменской канцелярии пока что не поддается выяснению. весьма вероятно, что среди них было много выходцев из местного гарнизона, поскольку, как пишет нина адамовна миненко: «в первой четверти XVIII века, тюмень по-прежнему оставалась средоточием преимущественно военно-служилого люда – почти ¾ городских дворов принадлежали собственно служилым и отставным от военной службы, а также их вдовам, женам и детям»[50]. делопроизводственная документация воеводской канцелярии прямо или косвенно свидетельствует о происхождении ряда тюменских подьячих из разных категорий служилых людей и «по прибору». выходцами из известных и многочисленных семей тюменских детей боярских милкеевых и маркеевых были подьячие григорий милкеев и федор маркеев (который впоследствии занял одну из низших руководящих должностей, став в 1721 г. одним из земских комиссаров тюменского дистрикта)[51]. в 1722 г. в тюменскую воеводскую канцелярию в молодые подьячие верстались конный казак федор гагарин и пеший казак дмитрий перевалов, который за несколько лет сделал неплохую карьеру, переведшись в тюменскую судную канцелярию[52]. к служилой среде принадлежали легендарные ветераны «приказной работы» подьячие осип барашков и илья чурилов[53]. в то же время, в штат тюменской канцелярии попадали и посадские. в отличие от вятки, они далеко не всегда принадлежали к городской верхушке – например, «тюменский житель» иван дементьев сын беляевский или «неверстанный тюменский житель» никита иванов, обладатель великолепного почерка[54]. другим источником комплектования тюменской канцелярии служила «писчая площадь» тюмени. так, иван беляев, в 1703-1710 гг. бывший площадным подьячим[55], оказывается в 1717 г. адресатом кормления в составе подьячих воеводской (комендантской) канцелярии. наконец, некоторую долю мест в тюменской канцелярии занимали пришлые иногородцы, назначавшиеся, обычно, на высшие должности. московского происхождения был подьячий с приписью кирилл бекишев, служивший секретарем в воеводство стольника о.я. тухачевского (1699-1706 гг.)[56]. видимо, из тобольска присылались в тюмень последующие подьячие с приписью: михаил усталков (в 1711 г.) и ефтифий леонов (в 1713 г.), занимавшие секретарские должности при воеводах д.с. копьеве и г.и. вахромееве соответственно[57]. из московских подьячих сенатским указом перевели в 1716 г. на службу в тюмень, пожаловав в дьяки, семена герасимова прасолова[58]. важно отметить, что никто из иногородцев, насколько известно, корней в тюмени не пустил.

30 будучи пожалованы в чин подьячего, тюменцы любого происхождения стремились ввести в этот круг своих родственников, демонстрируя, таким образом, тенденцию к формированию семейной подьяческой династии, общую для самых различных регионов россии. в начале XVIII в. в местной приказной избе отчетливо заметны несколько таких семейных групп.

документы 1704 г. фиксируют, например, старого подьячего Егора Петрова, руководившего разрядным столом, и подьячего средней статьи Кузьму Петрова. В 1707 г. к этой паре добавляется молодой подьячий Иван Петров. В течение первых 15 лет XVIII в. в той же канцелярии появляются двое столбовых (подьячий средней статьи Карп и молодой подьячий Матвей), двое ржанниковых (подьячий средней статьи Петр и старый подьячий Никифор), двое серюковых (подьячий средней статьи Василий и его сын молодой подьячий Михаил)[59]. Во второй половине 1710-х-1720-е гг. оформляются семейные приказные группы подпольновых, чуриловых и протопоповых, но исчезают петровы и столбовы. Однако, в отличие от Хлынова, где процесс формирования подьяческих династий начался значительно раньше, а их положение в местной приказной среде оказалось устойчивым, в Тюмени все было менее стабильно. Ни одна из семейных подьяческих групп не сумела удержать своих позиций на протяжении всего петровского царствования, а тем более – после его окончания. Из всех известных мне тюменских подьячих, лишь один – Илья Степанов Чурилов – пережил не только все петровские реформы, но и самого их творца, поступив в службу в 1708 г. и продолжая служить в тюменской воеводской канцелярии, по крайней мере, по 1735 г.[60]

31 Неустойчивость тюменского подьяческого контингента объясняется не только более поздним, чем в европейской России, формированием и менее строгой сословной стратификацией местного общества, но и высокой служебной мобильностью. В Сибири, где традиционная для России диспропорция географических и социально-демографических показателей (огромные территории с малочисленным и неравномерно распределенным населением) была особенно ощутима, общероссийский дефицит административных кадров сказывался острее, чем где бы то ни было. Тюмень оказалась единственным (кроме губернского Тобольска) городом к востоку от Уральского хребта, располагавшим относительно крупными людскими ресурсами. В результате, город стал своего рода донором для новоосваиваемых территорий, обеспечивая растущие потребности государства во всем регионе. Тюменский гарнизон и воеводская канцелярия превратились в едва ли не единственных поставщиков квалифицированных канцелярских и руководящих кадров для многочисленных учреждений всего Зауралья и отчасти среднего Урала. Бедственным для тюменской воеводской канцелярии стал период реформ 1720-х гг. Будучи вынуждено делиться сотрудниками с расплодившимися канцеляриями и конторами судебного, горного и военно-фискального[61] управления, главное ведомство Тюменского уезда балансировало, порой, на грани катастрофы, как это было в 1722 г., когда, по словам воеводы, в его канцелярии осталось «подьячих только два человека, о чем писано и в Тоболеск, а в прибавку никого не прислано...»[62].

32 Служебная мобильность, в любом случае предосудительная для благополучного функционирования учреждений, не всегда таит угрозу разрушения социальных связей лично для чиновников. Даже частые переходы из одной конторы в другую оставались относительно

безболезненны, пока подьячие сохраняли возможность по-прежнему проживать в своих городских дворах, ходить друг к другу в гости, родниться, сплетничать, интриговать, ручаться друг за друга при совершении сделок – реализовывать десятки взаимосвязей, сплетавших их в единую социальную общность. Проблема тюмени заключалась в том, что местных подьячих часто перебрасывали к местам службы за пределы не только города, но и уезда. Обширные колонизируемые пространства бассейна верховьев тобола (современные челябинская и курганская области), слободы и остроги, административно подчиненные далекому тобольску, обслуживались силами более близкой тюмени, чья относительная близость мало утешала путешественников эпохи гужевого транспорта и хрупких коммуникаций, когда лучшая из местных ямских трасс, 230-километровый участок между тюменью и тобольском, преодолевался минимум за трое суток в один конец[63]. Административное освоение новых территорий, ради которых осуществлялась переброска тюменских подьячих на новые места службы, отрывало их от родных краев если не навсегда, то на годы, расстраивая, а то и разрушая прежние локальные социальные связи. Одним из таких массовых служебных перемещений тюменских приказных за пределы уезда был период с 1710-1711 гг., связанный со строительством в южном зауралье шадринского города. Если в 1708 г. в тюменской приказной избе работало 9-10 подьячих, то к 1711 г. осталось лишь четыре. Возвращались не все уехавшие и не ранее, чем через 3-5 лет[64]. С началом масштабных реформ последних лет петровского царствования все чаще и больше подьячих требовал тобольск[65]. В целом, исключительно высокая служебная мобильность тюменского чиновничества безусловно являлась серьезным препятствием для консолидации их в локальное сообщество.

33 В то же время, как и в других городах россии, тюменская администрация, несомненно, должна быть отнесена к местной социальной элите. Большинство подьячих все-таки были выходцами именно из тюменских фамилий, среди которых фигурировало немало влиятельных служилых приборных семейств, вошедших впоследствии, после ликвидации «приборного войска», в ряды городского купечества и верхушки ремесленного населения. Элитарный статус подьячих и мелких администраторов признавался тюменскими тяглецами. Все местные чиновники, независимо от их конкретного ранга, брались на материальное обеспечение местными крестьянскими и посадскими общинами: становились адресатами и соучастниками древней традиции воеводского кормления, следы которого не только фрагментарно фиксируют отдельные документы, но в годовом объеме демонстрирует приходо-расходная книга тюменского оброчного старосты е. меншикова за 1717 г.[66] это уникальный, единственный из известных на сегодняшний день документ такого рода по уралу и западной сибири петровского царствования, выявленный мною в 2006 г., доказывает не только устойчивость и обыденность кормленной практики в первой трети XVIII в.,[67] но и лучше многих иных аргументов свидетельствует о признании современниками особого положения местных приказных.

34 заключая настоящее исследование, – которое, возможно, спровоцировало больше вопросов, чем предоставило ответов, – хотелось бы подчеркнуть, что реконструкция канцелярских составов местных государственных учреждений и анализ их социальных характеристик являются необходимым условием изучения провинциальных элит России. На сегодняшний день можно считать доказанным, что приблизительно с рубежа XVII–XVIII вв. местная бюрократия повсеместно становится важным и достаточно стабильным элементом в высших слоях общественной иерархии разных провинций, в большей или меньшей степени интегрируясь, через родственные и иные связи, с верхами служилых и неслужилых групп местного населения. При этом начало указанного интеграционного процесса было обусловлено общей тенденцией к бюрократизации государственного управления, усилением роли чиновничества не только в государственной, но и в социальной структуре страны, которая явственно проявилась не позднее середины XVII в. Таким образом, масштабные реформы первой четверти XVIII в. явились не цезурой, а катализатором в длительном социокультурном процессе, уходившем своими корнями в предшествующую эпоху.

NOTES

1. Nancy S. Kollmann, *By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia*, Ithaca – London: Cornell University Press, 1999 (русское изд-е: Н.Ш. Коллман, *Соединенные честью: государство и общество в России раннего нового времени*, М.: Древлехранилище, 2001); Tamara Kondrat´eva, *Gouverner et nourrir: Du pouvoir en Russie XVIe-XXe siècles*, P.: Les Belles Lettres, 2002 (русское изд-е: Т. Кондратьева, *Кормить и править: о власти в России XVI-XX вв.*, М.: РОССПЭН, 2006); Valerie A. Kivelson, *Autocracy in the Provinces: Russian Political Culture and the Gentry in the Seventeenth Century*, Stanford: Stanford University Press, 1996; B.L. Davies, The Politics Give and Take: Kormlenie as Servise Remuneration and Generalized Exchange, 1488-1726 // *Culture and Identity in Moscovy, 1359-1584*, M., 1997, p. 39-67 (Slavic Studies/UCLA. New Series, vol. III); Paul A. Bushkovitch, *Peter the Great: the Struggle for Power (1671-1725)*, Cambridge: Cambridge University Press, 2003 (русское изд-е: П. Бушкович, *Петр Великий: борьба за власть (1671-1725)*, СПб.: Дмитрий Буланин, 2008); Д.К. Уо, *История одной книги: Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени*, СПб.: Дмитрий Буланин, 2003; В.А. Александров, Н.Н. Покровский, *Власть и общество: Сибирь в XVII в.*, Новосибирск: Наука, 1991; Г.П. Енин, *Воеводское кормление в России в XVII веке: содержание населением уезда государственного органа власти*, СПб.: Дмитрий Буланин, 2000; Т.А. Лаптева, *Провинциальное дворянство России в XVII веке*, М.: Древлехранилище, 2010.

2. материалы, вроде комплекса частной переписки стольника А.И. Безобразова, использованного Ольгой Владимировной Новохатко при

написании чрезвычайно интересной главы «неформальные контакты служилых по отечеству и приказных» – редкое и счастливое исключение. см.: о.в. новохатко, *разряд в 185 году*, м.: памятники исторической мысли, 2007, с. 556-577.

3. п.н. милюков, *государственное хозяйство россии в первой четверти xviii столетия и реформа петра великого*, спб., 1892 ; м. богословский, *областная реформа петра великого: провинция 1719-1727 гг.* м., 1902 ; ю.в. готье, *история областного управления в россии от петра i до екатерины ii*, т. 1: *реформа 1727 года: областное деление и областные учреждения 1727-1775 гг.*, м., 1913 ; т. 2.: *органы надзора, чрезвычайные и временные областные учреждения: развитие мысли о преобразовании областного управления. упразднение учреждений 1727 г.*, м. ; л., 1941.

4. как это делал, например, будущий основатель истпарта михаил степанович александров (более известный под псевдонимом м. ольминский), полагавший государство и бюрократию лишь «призраком государственной власти», ибо правящий класс в конечном итоге установил «классовое политическое господство в чистом виде». см.: м.с. александров (м. ольминский), *государство, бюрократия и абсолютизм в россии,* спб, 1910, с. 101, 106-107, 242 и др.

5. с.м. троицкий, социальный состав и численность бюрократии россии в середине xviii в. // *исторические записки*, т. 89, 1972, с. 347.

6. м.ф. румянцева, региональные особенности социальной структуры провинциального чиновничества после губернской реформы 1775 г. // *политические институты и социальные страты россии (xvi–xviii вв.): тез. международной конференции 2-3 октября 1998 г.*, м.: изд-во рггу, 1998, с. 123-125.

7. во второй половине xvii в. центральные учреждения не только стремились вернуть в свой состав подьячих московского происхождения, но и привлечь наиболее опытные кадры местного происхождения, которые к тому времени имелись в приказных избах. см.: н.ф. демидова, *служилая бюрократия в россии xvii в. и ее роль в формировании абсолютизма*, м.: наука, 1987, с. 59-60.

8. демидова, ibid., с. 62-74.

9. ргада (российский государственный архив древних актов), ф. 425: вятская провинциальная канцелярия ; ф. 1113: вятская приказная изба ; гато (государственный архив тюменской области ; ф. и-47: тюменская воеводская канцелярия ; ф. и-181, тюменская канцелярия судных дел тобольского надворного суда.

10. демидова, *служилая бюрократия в россии*, с. 64.

11. псз (полное собрание законов российской империи), т. 3, № 1675.

12. милюков, *государственное хозяйство россии в первой четверти xviii столетия*, с. 119-120.

13. главной причиной негативного отношения сибиряков к реформе следует считать малочисленность и экономическую маломощность местного посадского населения. известно, что многие города сибири вообще не располагали посадами и по социальному облику были служилыми. в этой

связи едва ли можно согласиться с мнением Михаила Олеговича Акишина, считающего позицию сибирских жителей плодом фальсификации «коррумпированной верхушки сибирского воеводско-приказного управления». См.: М.О. Акишин, *Полицейское государство и сибирское общество: эпоха Петра Великого*, Новосибирск: Автор, 1996, с. 7-9. Мне более близка оценка Евгения Владимировича Вершинина, согласно которой служилые люди сибирских городов, составлявшие большинство населения, ощущали безальтернативность воеводской модели управления при всех издержках последней. См.: Е.В. Вершинин, *Воеводское управление в Сибири: XVII век*, Екатеринбург: Развивающее обучение, 1998, с. 146–147.

14. Милюков, *Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия*, с. 121-123.

15. Е.Ю. Апкаримова, С.В. Голикова, Н.А. Миненко и др., *История местного самоуправления на Урале в XVIII-начале XX в.: город, село, деревня*, Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999, с. 12.

16. РГАДА, ф. 1113. оп. 1. д. 28. л. 4. Незадолго до своего назначения воеводой Вятки стольник С.Д. Траханиотов по указу от 20 апреля 1710 г. проводил перепись местного населения: переписная книга 1710 г. // *Вятка: материалы для истории города XVII и XVIII столетий*, М., 1887, с. 57.

17. Апкаримова, Голикова, Миненко и др., *История местного самоуправления на Урале*, с. 12.

18. Мрочек-Дроздовский, *Областное упарвление России XVIII века*, с. 91. По «росписи, сколько в котором городе подьячих у дел оставить велено», составленной 28 апреля 1712 г. в Тобольской большой канцелярии для «поморских» городов губернии, Вятке с пригородами полагалось иметь 20 человек этого ранга (РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 207 об.-208).

19. Реконструировано по рукоприложениям подьячих в ознакомлении с указами. РГАДА, ф. 425, оп. 1, д. 8, л. 1-2, 31, 89-90 об., 92-93, 208, 210 об.-211, 217, 221 об.-222, 278, 318.

20. Когда осенью 1714 г. на Вятку был назначен новый комендант, стольник В.К. Толстой, князь Матвей Петрович Гагарин писал дьяку В. Окоемову, ставшему секретарем приказной избы, чтобы до приезда коменданта он «ведал» уезд как это бывало в Тобольске. «Как в бытность в Тоболску его, губернатора [...] ведал в Тоболску всякие зборы [...] дьяк Иван Баютин, тако ж и по отъезде губернаторском ведал всякие зборы и подати он, Баютин», – наставлял кн. Гагарин. «А на Вятке [...] велено всякие зборы [...] збирать тебе, дьяку Василью Окоемову, тако ж, как в Тоболске Ивану Баутину. И к тому збору дано было ему, Ивану, съезжей двор, да сто человек салдат, и три человека старых подьячих, и повытчиков всех. Тако ж и тебе велено дать в Хлынове [...] съезжей двор, и сто человек салдат, и подьячих, что понадобится [...] и повытчиков всех [...]» (РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 793-793 об.).

21. В Вятке, по переписи 1710 г. числились 1400 солдат и драгун (РГАДА, ф. 248, кн. 17, л. 50).

22. РГАДА, Ф. 1113, ОП. 1, Д. 28, Л. 77, 119, 148-149, 155, 177-177 ОБ., 181, 254, 315-315 ОБ., 425-426, 442-443, 469, 505, 507-507 ОБ., 508 ОБ., 567-567 ОБ., 601, 602.

23. И. ТРЯПИЦЫН, П. ГЛЕБОВ, Т. МЕТЕЛЕВ, Ф. ЮФЕРЕВ, С. КАТАРИН, Ф. КОРОБОВ, Е. ДЬЯКОНОВ (РГАДА, Ф. 248, КН. 155, Л. 955-957; Ф. 425, ОП. 1., Д. 8, Л. 1 ОБ.-2, 89-90 ОБ., 221 ОБ.-222, 318; Ф. 1113, ОП. 1, Д. 28, Л. 148-149, 315-315 ОБ., 425-426, 505, 507-507 ОБ., 508 ОБ., 601, 602, 709-709 ОБ.; Д. 29, Л. 47, 103-104, 254-254 ОБ., 258, 416).

24. Ф. ЮФЕРЕВ, П. ГЛЕБОВ, Т. МЕТЕЛЕВ, Б. ЮФЕРЕВ И И. ФИЛИМОНОВ: РГАДА, Ф. 425, ОП. 1, Д. 8, Л. 2.

25. П.Н. МРОЧЕК-ДРОЗДОВСКИЙ, *ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ РОССИИ XVIII ВЕКА ДО УЧРЕЖДЕНИЯ О ГУБЕРНИЯХ 7 НОЯБРЯ 1775 ГОДА: ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ, Ч. 1: ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЭПОХИ ПЕРВОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ГУБЕРНИЙ (1708-1719 ГГ.)*, М., 1876, С. 91.

26. Д.А. РЕДИН, *АДМИНИСТРАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ И БЮРОКРАТИЯ УРАЛА В ЭПОХУ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ: ЗАПАДНЫЕ УЕЗДЫ СИБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1711–1727 ГГ.*, ЕКАТЕРИНБУРГ: ВОЛОТ, 2007, С. 422, 471.

27. АПКАРИМОВА, ГОЛИКОВА, МИНЕНКО И ДР., *ИСТОРИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА УРАЛЕ*, С. 12.

28. РГАДА, Ф. 1113, ОП. 1, Д. 28, Л. 168-169 ОБ.

29. А. С[ПИЦЫН], *ИСТОРИЯ РОДА РЯЗАНЦЕВЫХ*, ВЯТКА, 1884, С. 5-7.

30. РГАДА, Ф. 248: СЕНАТ И ЕГО УЧРЕЖДЕНИЯ, КН. 155, Л. 728 ОБ., 735, 955-957, 960; Ф. 425, ОП. 1, Д. 8, Л. 1-1ОБ., 2, 31, 89-90 ОБ., 92-93, 210 ОБ. 211, 221 ОБ., 222; Ф. 1113, ОП. 1, Д. 28, Л. 148-149, 207 ОБ.-208, 567-567 ОБ., 602, 709-709 ОБ., 753-753 ОБ., Д. 29, Л. 258; ГАСО (ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ), Ф. 24: УРАЛЬСКОЕ ГОРНОЕ УПРАВЛЕНИЕ, ОП. 12, Д. 193, Л. 55 ОБ.-56.

31. А.И. КОМИССАРЕНКО, ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ФИСКАЛЬНЫЕ ПОВИННОСТИ КРЕСТЬЯН ВЯТКИ В XVIII В. // *РОССИЯ И МИР: ПАНОРАМА ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ*, ЕКАТЕРИНБУРГ: ВОЛОТ, 2008, С. 573.

32. Ibid., С. 572–573.

33. РГАДА, Ф. 1113, ОП. 1, Д. 28, Л. 753-753 ОБ.

34. РГАДА, Ф. 1113, ОП. 1, Д. 28, Л. 469.

35. РГАДА, Ф. 1113, ОП. 1, Д. 28, Л. 760-760 ОБ.

36. ФЕДОР СЫЧЕВ И ВАСИЛИЙ ОКОЕМОВ, БЫВШИЕ СЕКРЕТАРЯМИ МЕСТНОЙ ПРИКАЗНОЙ ИЗБЫ (В 1712-1714 ГГ. И В 1714-1719 ГГ. СООТВЕТСТВЕННО), АЛЕКСЕЙ АНИКЕЕВ (1713-1716 ГГ.), ПЕРЕВЕДЕННЫЙ ИЗ СЕКРЕТАРЕЙ СОЛИКАМСКОЙ ПРИКАЗНОЙ ИЗБЫ И В ТОВАРИЩАХ С ДЬЯКОМ В. ОКОЕМОВЫМ «ВЕДАВШИЙ» ВЯТКУ В СВЯЗИ С ОТЪЕЗДОМ КОМЕНДАНТА КН. И.И. ЩЕРБАТОВА И ДЬЯКА-СЕКРЕТАРЯ Ф. СЫЧЕВА, И ГРИГОРИЙ ФИРСОВ, ПРЕБЫВАВШИЙ В ДОЛЖНОСТИ ЗЕМСКОГО КАМЕРИРА В 1723 Г. (РГАДА, Ф. 425, ОП. 1, Д. 8, Л. 3, 5, 262; Ф. 1113, ОП. 1, Д. 28, Л. 574).

37. РГАДА, Ф. 1113, ОП. 1, Д. 28, Л. 148-149, 207 ОБ.-208, 296, 469, Д. 29, Л. 47, 254-254 ОБ.

38. КОМИССАРЕНКО, ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ФИСКАЛЬНЫЕ ПОВИННОСТИ..., С. 575.

39. ГАСО, Ф. 24, ОП. 1, Д. 15, Л. 78-79.

40. ВЫЯВЛЕННЫЕ НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ ДОКУМЕНТЫ 1725-1726 ГГ. УКАЗЫВАЮТ НА ТО, ЧТО И. ТРЯПИЦИН В ЭТИ ГОДЫ НАХОДИЛСЯ В ХЛЫНОВЕ, НОСЯ ЗВАНИЕ КОМИССАРА. НО

характер его деятельности явно связан с выполнением поручений горнозаводского ведомства, в котором он, вероятно, продолжал служить. Тряпицин то оказывается под взысканием 2 200 руб. по доношению пермского бергамта, то выдвигает инициативу о строительстве плавильного завода в вятской провинции, то вступает в тяжбу с вятским провинциальным воеводой, поддержавшим жалобы монастырских крестьян, которых комиссар принуждал к рудным работам. ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 193, л. 156 об.-157, д. 194, л. 128, 182-182 об.

41. ГАСО, ф. 42 (каменская земская контора), оп. 1, д. 9, л. 186–186 об., 213; ф. 24, оп. 12, д. 194, л. 77 об.

42. Оформление текущей документации происходило в различных подразделениях приказной избы: столах (их имелось не менее трех – приказный, денежный и розыскной) и повытьях функционального характера, в которых сосредоточивался контроль за взиманием канцелярских оброчных сборов по Хлынову и Вятскому уезду, либо за исполнением таких специфических видов управления, как «отпуск и досмотр» шведских пленных (РГАДА, ф. 425, оп. 1, д. 8, л. 1; РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 177-177 об., 315-315 об. и др.).

43. РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 181, 296, 315–315 об.

44. РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 505.

45. РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 570.

46. РГАДА, ф. 1113, оп. 1, д. 28, л. 571, 576.

47. РГАДА, ф. 248, кн. 17, л. 50 («Табель Сибирской губернии ис переписных книг 1710 году дворовому числу и людем»).

48. Это довольно стабильная штатная норма, сохранявшаяся в течение всей первой четверти XVIII в. В 1701-1704 гг. штат в 5 подьячих официально фигурировал для Тюмени; по вышеупоминавшейся губернской росписи штатов 1712 г. он предписывался канцеляриям Чердыни, Пелыма и Туринска; по штатам 1725 г. – Верхотурью. ГАТО, ф. И-47, оп. 1, д. 1678, л. 4; РГАДА, ф. 1113, оп. 1. д. 28, л. 207 об.-208; Д.А. Ананьев, *Воеводское управление в Сибири в XVIII веке*, Новосибирск, 2005, с. 150.

49. ГАТО, ф. И-47, оп. 1, д. 1095, л. 1-28 об.

50. Н.А. Миненко, *Тюмень: летопись четырех столетий*, СПб.: Русь ; Санкт-Петербург, 2004, с. 161.

51. ГАТО, ф. И-47, оп. 1, д. 1093, л. 7, 14-14 об.

52. ГАТО, ф. И-47, оп. 1., д. 3396, л. 20; ф. И-181: Тюменская канцелярия судных дел Тобольского надворного суда, оп. 1, д. 2, л. 39, 40 об., 41, 43-43 об., 53-53 об.

53. В переписной книге жителей Тюмени по приходам за 1722 г. отмечены дворы, принадлежавшие сыну боярскому Гавриле Федорову сыну Чурилову и конному казаку Ивану Алексееву сыну Барашкову (ГАТО, ф. И-47, оп. 1, д. 533, л. 26 об., 62). В 1726 г. «надсмотрщиком у крепостных дел» служил еще один сын боярский с такой же фамилией: Петр Чурилов. ГАТО, ф. И-181, оп. 1, д. 16, л. 13 об., 19.

54. Оба попали молодыми подьячими в 1706 г., первый – в розыскной, а второй – в разрядный стол тюменской приказной избы. ГАТО, Ф. И-47, оп. 1, д. 3393, л. 2, д. 1723, л. 11–11 об.

55. ГАТО, Ф. И-47, оп. 1, д. 1538, л. 8.

56. Он покинул город после очередной смены воевод; его последние приписи читаются на документах 1706 г. (ГАТО, Ф. И-47, оп. 1, д. 1723, л. 11-11 об., 12 и далее).

57. ГАТО, Ф. И-47, оп. 1, д. 3393, л. 34, 46.

58. РГАДА, Ф. 248, кн. 647, л. 837-838. Недолго пробыв в тобольской большой канцелярии, Семен Прасолов послужил комиссаром при тюменском коменданте И.В. Воронецком в 1717 г. (сменив в этой должности Михаила Усталкова), а в 1721-1722 гг. оказался на должности секретаря тобольского надворного суда (ГАТО, Ф. И-47, оп. 1, д. 10-93, л. 7-12 об., д. 4822, л. 22-22 об.).

59. ГАТО, Ф. И-47, оп. 1, д. 291, л. 1, д. 1538, л. 1 об., 2 об., 6-6 об., д. 1678, л. 8 об., д. 1723, л. 11-11 об., 12, д. 1984, л 2 об., д. 3393, л. 55, 61.

60. 30 апреля 1735 г. «тюменской канцелярии подканцелярист Илья Чюрилов сказал [...] у себя сына Ивана десяти лет», отданного в обучение в ту же канцелярию. ГАТО, Ф. И-47, оп. 1, д. 2122, л. 182 об. К этому времени в составе канцелярского корпуса города не было ни одного представителя тех семей, которые фигурировали в годы петровского царствования.

61. О деятельности полковых дворов в Западной Сибири и их месте в системе управления (теме вообще малоизученной) см. подробнее: Д.А. Редин, Полковые дистрикты в системе местного государственного управления России первой трети XVIII в.: на примере сибирской губернии // *Проблемы социальной и политической истории России*, М.: РАГС, 2009, с. 161-173.

62. ГАТО, Ф. И-47, оп. 1, д. 3396, л. 20.

63. Подробнее об этом: Редин, *Административные структуры и местная бюрократия Урала*, с. 356-392.

64. ГАТО, Ф. И-47, оп. 1, д. 3393, л. 51, 55, 56-56 об.

65. ГАТО, Ф. И-47, оп. 1, д. 493, л. 49-49 об.; ГАТО, Ф. И-47, д. 493, л. 80-80 об., 83-83 об; РГАДА, Ф. 113, оп. 1, д. 29, л. 316-316 об.; ГАТО, Ф. И-166: Тюменский полковой штабной двор, оп. 1, д. 2, л. 2-2 об.

66. ГАТО, Ф. И-47, оп. 1, д. 1095, л. 1-28 об.

67. Подробнее об этом: Редин, *Административные структуры и бюрократия Урала*, с. 534-547.

RÉSUMÉS

Résumé

Cette étude porte sur la catégorie la plus nombreuse de la bureaucratie provinciale, en tant que composante de l'élite locale. La périodisation choisie découle du fait que les réformes de Pierre ont fortement marqué l'évolution de la société russe, notamment celle des élites. L'historiographie n'a pas suffisamment mis l'accent sur les liens établis par cette bureaucratie avec l'élite locale dans les provinces. La plupart des travaux d'histoire sociale analyse le rôle et l'importance de cette bureaucratie à partir d'un cadre d'interprétation qui oppose pouvoir et société. Dans un tel schéma, la bureaucratie est comprise comme une expression de l'autorité extérieure à la société locale, et même étrangère à ses élites. Une telle position ne nie pas l'existence des liens mutuels entre pouvoir local et les *miry*. Elle reconnaît, en effet, la possibilité d'une certaine participation de la société dans l'organisation du pouvoir (en premier à travers les organes d'auto-gouvernement local). Toutefois, elle ne voit pas l'interpénétration étroite et complexe de ces systèmes.

Cette étude montre qu'au tournant du XVIIIe siècle, dans le mouvement des réformes de Pierre, la Russie voit naître des bureaucraties à l'échelle locale, au sein des sociétés de chaque district. En raison de leurs fonctions et de leur enracinement local, ces bureaucraties deviennent un élément stable des sociétés provinciales, concentrant en elle les caractères du pouvoir et de la société. L'étude de ces phénomènes requiert une approche fondée sur des enquêtes capables de rendre compte des spécificités régionales.

Deux centres administratifs de l'est de la Russie, fortement contrastés, font l'objet de cette étude. Vjatka (Hlynov) et Tjumen´ se distinguent par leurs traditions de gouvernement et leurs structures sociales. Des archives inédites sont mobilisées à l'appui de ce dossier, construit sur une approche d'anthropologie historique.

Abstract

This study deals with a category of provincial bureaucracy – the largest, in fact – which was part of the local elite. The choice of the period under study is due to the fact that Peter's reforms strongly marked the evolution of Russian society, and particularly that of the elites.

Historiography has not sufficiently emphasized the ties that this bureaucracy established with the local elite in the provinces. Most studies in social history analyze the role and importance of that bureaucracy within a theoretical framework opposing the state and society and presenting bureaucracy as an external expression of authority, and even foreign to its elites. Such a position does not ignore the mutual ties between local powers and *miry*. In fact, it acknowledges a possible participation of society in the organization of power (mainly through local self-government bodies). However, it fails to see the narrow and complex interpenetration of these systems.

This study shows that at the time of Peter's reforms at the turn of the eighteenth century, Russia witnessed the birth of bureaucracies at the local level within each district's society. Due to their functions and local implanting, these bureaucracies became a stable element of provincial societies and acquired characteristics pertaining both to government and society. The study of these phenomena requires an approach based on investigation procedures taking regional specificities into account.

The present study deals with two highly contrasting administrative centers of Eastern Russia, Viatka (Khlynov) and Tiumen´, differing by their government traditions and social structures. This study, based on unpublished archives, is conducted within the framework of historical anthropology.

AUTEUR

ДМИТРИЙ А. РЕДИН

Université fédérale de l'Oural